
Е. Л. Колявская

ПРОБЛЕМА АВТОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ЛЕТОПИСИ

Летописный текст с точки зрения авторского самосознания анализировать крайне сложно, ибо летопись как таковая — феномен, который трудно считать авторским, если под *авторским самосознанием* понимать самосознание книжника как писателя, т. е. осознанность им целей сочинения и их качество, эстетические принципы и идеалы, осознание своего труда в рамках традиции и т. п.¹

Трудности же сопряжены, в первую очередь, с тем, что летопись — это, как правило, свод, где материал погодных записей соединяется, переписывается, редактируется. Кроме того, принято считать, что летописец по закону жанра ориентирован на объективность и как бы на «самоустранение». «Летописец стремится видеть события с высоты их «вечного», а не реального смысла»², — пишет Д. С. Лихачев. Образ летописца, — пишет далее исследователь, — «это старец, равнодушно внимающий добру и злу»³. Однако и то, и другое утверждение не абсолютно. Сам же Д. С. Лихачев замечает, что «летописец живо реагирует на события современности»⁴, а бесстрастный характер летописи придает последующая механическая компиляция зафиксированных ранее известий. С другой стороны, в ряде последних работ А. А. Гиппиус убедительно демонстрирует, что нельзя преуменьшать значение так называемого «анналистического начала» в летописании и преувеличивать «компилятивное»⁵. Им показано, что в областном летописании второй половины XII—XIV веков (в пер-

---

¹ В широком смысле авторское самосознание присутствует каждый раз, когда существует субъект создающий текст, если он действительно создается заново, а не переписывается или воспроизводится. Т. е., строго говоря, это понятие должно распространяться и на документы, если они уникальны: приказы, указы, рапорты, докладные записки и пр. Практическое же отсутствие эстетических трактатов этого периода и шаткость выделения «художественных» высказываний в древнерусских текстах ставит нас перед необходимостью опираться на свои критерии и представления о *литературе* и *не-литературе* в письменности Древней Руси.

² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 258.

³ Там же. С. 263.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Гиппиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIII вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 350—360.

вую очередь, новгородском) представлены образцы как раз анналистического начала. Тем не менее, даже в таких летописях, как Первая Новгородская, «руку» того или иного автора-летописца выделить весьма не просто. Исследования, проведенные А. А. Гиппиусом, уточнили и подтвердили прежние предположения о вкладе в ее создание Германа Вояты и пономаря Тимофея, что дает возможность проанализировать соответствующие тексты с точки зрения проявления в них авторского самосознания летописца.

Следует сразу сказать, что такой анализ показал, что в авторских проявлениях этих двух летописцев обнаруживается больше различий, чем сходства. Тимофей не скрывает своей сопричастности новгородским событиям, Воята — стремится «спрятать» свое «я».

Однако прежде чем приступить к рассмотрению текстов Германа Вояты, надо сказать несколько слов о предполагаемом объеме его летописной работы. А. А. Гиппиус говорит, что «Герман Воята вел владыческую летопись... в конце 1160-х гг.»⁶ До 1167 г. компиляция «его» и «не его» текстов представляет собой сложную картину. Тем не менее ряд признаков «одной руки» дает возможность отнести к авторству Германа Вояты и корпус гораздо более ранних известий. По крайней мере, если им и использовались другие источники, представлены они должны быть в его редакции.

В качестве признаков, роднящих между собой летописные тексты 40—70-х годов, можно назвать следующие:

- 1) явный интерес к погодным явлениям и небесным феноменам (такие тексты читаются под 6651, 6652, 6653, 6656, 6657, 6665, 6669, 6673, 6693, 6695 годами);
- 2) повышенный интерес к церковному строительству, церковной и монастырской жизни;
- 3) крайне редко используется прямая речь;
- 4) характерно употребление слова «голов» — при перечислении военных потерь;
- 5) при необходимости подчеркнуть огромное множество чего-либо говорится: «**яко и числа нѣтъ**» или «**яко и числа не бяша**» (в более поздних известиях будет звучать «бецисла»);
- 6) обо всех церквях, о которых идет речь (если только они не «срублены»), обязательно говорится «**камяна**» (с 6652 по 6696 г. это слово употреблено 14 раз).

Итак, какова же степень авторского присутствия в летописных текстах Германа Вояты?

Под 6652 г. он сообщает о событии, связанном с ним самим: «**Въ то же лѣто постави мя попомъ архіепископъ святыи Нифонтъ**»⁷. В дальнейшем встречаются высказывания от 1-го лица множественного числа⁸, но крайне редко. Это описание знамения, где «**ради быхомъ**», когда солнце «наполнилось». Другой случай — запись под 1161 г.: «**стоя всѣ лѣто ведромъ и пригорѣ всѣ житю, а на осѣнь ѱви всю ярь морозъ**». Затем: «**на зимѣ ста вся зима тепломъ и дъжгемъ, и громъ бысть; и купляхомъ кадкѣ малюю по 7 күнѣ**». Тут же автор эмоционально восклицает: «**О, велика скорьбь бяше въ людехъ и нѣжа!**»⁹ Наконец, также от 1-го лица говорит летописец под 6653 г.: «**...наиде дъжгъ, яко не видехомъ ясна дни**

⁶ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 66. О летописной работе Германа Вояты говорили в свое время А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 182—196; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 212—214).

⁷ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 27.

⁸ Повествование от 1-го лица множественного числа достаточно типичное явление для древнерусской литературы.

⁹ Там же. С. 31. Этот же текст читается в Новгородской Четвертой летописи (Н4Л), но восклицание перефразировано: «**А велика скорьбь вѣаше в людехъ и нѣжда**» (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. Ч. 1. Вып. 1. С. 160).

ни до зимы»¹⁰.

Надо заметить, что приведенное выше восклицание, пожалуй, единственное открытое проявление чувств. В сухом тексте изредка встречаются намеки на эмоциональные оценки: «ради быша новъгородци», «и пояша и съ любвью», эпитеты «боголюбивыи», «благоверныи». На рассуждения и эмоции его не подвигает даже рассказ о чудесном прозрении Мстислава и Ярополка Ростиславичей в церкви Бориса и Глеба под Смоленском. Говорится лишь, что «съпостиже я Божия благодать и святыя Владычица наша Богородица и святую новоявленного мученику Бориса и Глѣва, и ту прозрѣста»¹¹. Такое редкое событие, как попадание молнии в церковь (1187 г.), рассматривается не как знамение, а как стихийное бедствие. Оно унесло двух людей, но «не бысть беды церкви»¹².

И только в записи под 1156 г. — в сообщении о преставлении Нифонта — проявляется авторское «я» Германа Вояты. Здесь летописец обнаруживает твердость позиции и даже полемическую запальчивость. По-видимому, у Нифонта было немало врагов не только в окружении Климента, но и в самом Новгороде, если, по словам летописи, обвиняли его «мнози»: «Инии же мнози глаголаху, яко полупивъ святую Софию, пошль Цесарюграду; и много глаголаху на нь». Воята считает, что недоброжелатели Нифонта действуют «собе на грѣхъ»: «О семь бы разумети комуждо насъ, — продолжает в наступательном тоне летописец, — который епископъ тако украси святую Софию, притворы испьса, кивотъ створи и всю извъну украси; а Пльскове святого Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ святого Климента». И высказывает свое мнение о значении события: «Мню, во, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе и Киеву, и тамо прѣставися; и положиша и въ Печерьскемъ монастыри, у святѣи Богородици въ пещере»¹³.

Иная картина — в текстах пономаря Тимофея. Как установлено А. А. Гиппиусом, его перу принадлежит подавляющее большинство летописных текстов НПЛ за 1226—1274 г.¹⁴ Впервые о Тимофее было сказано еще А. А. Шахматовым, который считал, что этот же Тимофей, пономарь церкви св. Якова, переписал в 1262 г. «Пролог» для церкви св. Образа¹⁵. Писал о нем И. А. Тихомиров¹⁶, упо-

¹¹ Там же. С. 35. Впрочем, этот текст мог быть заимствован из другого источника. Он полностью совпадает с соответствующим фрагментом в Софийской Первой летописи старшего извода (С1). При этом предыдущие тексты — о событиях, связанных с изгнанием Мстислава из Новгорода — даны в этих летописях по-разному. В С1 это более связный и подробный рассказ, целиком помещенный под 6685 (В НПЛ он разделен между 6684 и 6685 годами).

¹² Там же. С. 38.

¹³ Там же. С. 29. В С1 (и в Летописи Авраамки) — лишь краткое сообщение о преставлении владыки, в Н4Л — полный текст. Характерно, что в Н4Л читается: «И инии же Новгородци мнози глаголаху...» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 157), т. е. вставлено пояснение «новгородци», что было сделано, видимо, при включении статьи в более поздние своды.

¹⁴ Гиппиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIII вв. С. 345—364; он же. Новые данные о пономаре Тимофее — новгородском книжнике середины XIII века // Информационный бюллетень МАИРСК. Вып. 25. М., 1992. С. 59—86.

¹⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 130.

¹⁶ Тихомиров И. А. О Тимофее — пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. 1887. № 3. Отд. 2. С. 28—37.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 164—165. См. также: Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 246.

¹⁸ НПЛ. С. 70. Имени Тимофея нет в списках младшего извода. В Комиссионном списке слова: «мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю», — пропущены, а в Академическом и Толстовском имя пономаря Тимофея заменено на попа Иоанна: «И мнѣ грѣшному Иоанну попови» (С. 278).

минал и Б. А. Рыбаков¹⁷.

Тимофей называет себя под 1230 г. в сообщении о погребении Саввы игуменом Арсением: «**А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю**»¹⁸.

Относительно единого автора всего вышеуказанного фрагмента НПЛ наряду с доводами, приведенными А. А. Гиппиусом, можно добавить ряд наблюдений. Весь отмеченный текст отличаются характерные черты.

В первую очередь, обращает на себя внимание часто встречающиеся молитвенные обращения летописца к Богу в связи с тем или иным событием. Так, рассказывая под 6741 г. о безвременной смерти Федора, сына Ярослава Всеволодовича, летописец от себя добавляет: «**Нъ, Господи, слава Тебе, цесарю небесный, извольшу ти тако, нъ покои его съ всеми правдыными**»¹⁹. Или: «**Въ то же лѣто исписа церковь Святыхъ 40 Вячеславъ Малышевъ вънукъ; а и Богъ ему спасение**»²⁰; «**А новгородъць тѣ ѹвиша 10 мѹжь..., а покои Господи душа ихъ въ царствии небеснѣмъ, пролившихъ крѣви своя за святѹю Софью и за кровь христьянскую**»²¹. В связи с миротечением от иконы Спаса: «**Но, Господи, слава Тобѣ, давыи намъ недостойнымъ, Господи Вседержателю, яко призираеши на нас ѹбогихъ своею многою милостью, человекѹколюбче**»²². Просит за поставивших церковь святого Василия: «**Но подан, Господи, имъ отдание грѣховъ, и Василии святыи**»²³. По преставлении Александра Невского: «**Дан, Господи милостивыи, видѣти ему лице Твое в бѹдущии вѣкъ**»²⁴. По преставлении архиепископа Далмата: «**Дан, Господи, молитвѹ его святѹю кланяющимся гробѹ его**»²⁵.

Еще одна характерная черта данного автора — оговорка: «Бог вестъ», по-видимому, свидетельствующая, что летописцу та или иная информация недоступна, или он в ней не уверен (знает понаслышке): «**Того же лѣта ижгоша вѣлхвы 4, творяхѹтъ е потворы дѣюще, а**

¹⁹ Там же. С. 72. Текст этой статьи сохранился полностью в Н4Л, а в С1 дан в сокращении: «Преставися князь Федоръ, с(ы)нъ Ярославъ волшини, и положенъ выс(ть) в манастири с(вя)т(о)го Георгия, и еще младъ. И кто не пожалуетъ сего? Свадва пристроена бѣ, меды посычены, невѣста приведена, а князи позвани. И выс(ть) въ веселия мѣсто плачь и сѣтование за грѣхы наша. Но, Г(о)с(по)ди, ц(а)рю н(е)в(е)сныи, слава тебѣ!» (ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 286.). Очевидно, что текст в С1: обрывается на полуфразе, делая не совсем понятным, почему Богу приносится хвала в связи со смертью молодого князя.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Там же. С. 73. В Н4Л этот текст читается, но как раз без обращения к Господу.

²² Там же. С. 79. Этот текст читается также в С1 — один из немногих случаев, когда подобные обращения сохранены поздними редакторами и сводчиками.

²³ Там же. С. 83.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ Там же. С. 322 (по младшему изводу). Сообщение о преставлении архиепископа есть в Н4Л, но без молитвенного обращения.

²⁶ Там же. С. 65.

²⁷ Там же. С. 76.

²⁸ В Комиссионном списке «менше» (С. 294); так же и в С1.

²⁹ Там же. С. 77. Этот текст, кроме С1 читается также в Летописи Авраамки, но без последних слов: «**И паде**

Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославѣ»; «Бе во ихъ пришло творяху 2000 или боле, Богъ вѣсть, а то все мертво»²⁶; рассказывая о гибели Юрия Всеволодовича: «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»²⁷. И далее: «Новгородецъ же тѣ паде Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинещиниць, Намѣстъ, Дрочило Нездыловъ сынъ кожевника, а ...всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мнѣ²⁸ Богъ вѣсть»²⁹; «Того же лѣта постави чернецъ Василии церковь святого Василия, а Богъ его вѣсть, своимъ ли или Борисовымъ Гавшинича»³⁰. В рассказе о столкновении с немцами у Раковора автор перечисляет погибших новгородцев и добавляет: «а иныхъ много, Богъ и вѣсть...///... А Юри князь вда плечи, или перевѣтъ былъ в немъ, то Богъ вѣсть»³¹.

Очевидно, что выявление подобных черт может служить основанием для подтверждения единого авторства рассматриваемого фрагмента. С другой стороны, они же, эти черты, могут привлекаться для описания авторской манеры Тимофея.

М. Х. Алешковский рассматривал фразы «Богъ вѣсть» как указание на некий устный источник — те случаи, когда сам летописец не был очевидцем, а пользовался рассказами или слухами: таков текст под 1238 г. «Все сведения получены из устных источников, а не летописей»³², — утверждает исследователь. Однако, как можно видеть из приведенных примеров, далеко не всегда «Бог вѣсть» означает указание на устный источник сведений о событиях, от которых сам летописец был далек. В тексте о волхвах автор выражает сомнения в их преступлениях, в других случаях он не уверен в точности приводимых цифр. В вышеприведенном фрагменте — о Юрии Всеволодовиче — летописец дает два возможных объяснения его поведения.

Что же касается приведенных примеров «поминаний», то они не были для Тимофея каким-то формальным приемом или просто привычкой, ибо не все смерти и тем более благие деяния сопровождаются в его летописи подобными словами. Этого нет, например, при сообщении о смерти посадника Стефана Твердиславича (1243 г.), игуменов Юрьева монастыря Савватия (1226 г.) и Варлаама (1270 г.), архиепископа Спиридона (1249 г.) и др. Скорее подобные сентенции можно отнести к категории авторских оценок.

В явном виде оценки встречаются также нередко, хотя их нельзя назвать особенно яркими и нестандартными. В основном это повторение одних и тех же излюбленных эпитетов. Например, он характеризует архиепископа Арсения как «мужа кротка и смирена»³³. Также («муж кротк и смирен») он говорит о другом Арсении — игумене Хутынского, а затем Юрьева монастырей, и тут же о Савве, игумене Юрьева монастыря: «муж благъ, кроткъ, съмѣренъ и незловивъ»³⁴. Настойчиво повторяется такой оценочный эпитет, как «злой»: «мѣсто злое», «выхомъ на зло»³⁵,

³¹ Там же. С. 86.

³² Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // Летописи и хроники. М., 1980. С. 109.

³³ НПЛ. С. 67. По-видимому, Тимофей никак не принадлежал к сторонникам Антония — добрые слова о нем он говорит только по его преставлении.

³⁴ Там же. С. 70.

³⁵ Там же. С. 71, 87.

³⁶ Там же. С. 81, 82.

³⁷ Там же. С. 81.

³⁸ Там же. С. 82.

³⁹ Там же. С. 86.

⁴⁰ Там же. С. 84.

⁴¹ Там же. С. 83.

«свѣтъ золь»³⁶, «мысль зла»³⁷, «приде вѣсть изъ Руси зла», «на зло повелъ», «совѣ легко, а меншимъ зло»³⁸, «створися зло велико»³⁹.

Исключением, пожалуй, являются слова об Александре Невском после сообщении о его смерти и погребении. Подводя итог жизненному пути князя, пономарь Тимофей говорит, что Александр Ярославич «потрудися за Новъгородъ и за всю Русьскуюю землю»⁴⁰.

Только однажды встречается «эстетическое» высказывание — в оценке красоты церкви: «Того же лѣта съгорѣ от грома церкви святого мученика Бориса и Глѣба: горазда бо бяше и лѣпа»⁴¹.

В целом же отстраненной позицией Тимофея как автора никак не назовешь. Собственно, уже отмеченные молитвенные обращения к Богу свидетельствуют, по-видимому, о внутренней сопричастности Тимофея описываемым событиям. О том же говорят многочисленные эмоциональные оценки не только бедствий, которые у любого человека вызовут сильные чувства, но и особые отклики на происходящее, которые могут родиться только у того, кто все видит сам и, возможно, имеет к этому личное отношение. Так, в уже упоминавшемся рассказе о смерти Федора Ярославича Тимофей сначала, «как положено», сообщает об этом событии: «Томъ же лѣте прѣставися князь Федоръ, сынъ Ярославъ вячшини, нюня въ 10, и положенъ бысть въ монастыри святого Георгия и еще младъ». Но далее следует субъективно-эмоциональное восклицание: «И кто не пожалуетъ сего: сватва пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани; и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтование за грѣхы наша»⁴².

По той же схеме строится и рассказ о пожаре под 1267 годом. В начале — традиционное летописное сообщение о пожаре: «По грѣхомъ нашимъ загорѣся на Күзмадемьяни үлици мѣсяца мая 23, передъ вечернею, и погорѣ весь конецъ Перевьскыи». Т. е. дана требуемая оценка — «по грехом», точно и в спокойных интонациях указано время и место. А затем — оценка самого летописца: «О, горе, братье, толь лють бяше пожаръ, яко и по водѣ хожаше огонь, и много товара погорѣ на Волховѣ в лодьяхъ, и нѣколико головъ сгорѣ, и единомъ часѣ все погорѣ; и мнози от того разбогатѣша, а инни мнози обнищаша»⁴³. Как видно, здесь уже дана субъективная оценка, в которой эмоциональность переживания соседствует с чисто новгородским практицизмом.

НПЛ (Комиссионный список) под 6576 г.	НПЛ (Синодальный список) под 6746 г.
Наводит бо Богъ поганя, по гнѣвү своему, иноплемьники на землю, и тако скрүшенымъ имъ, вхспомянутся къ Богү. Богъ не хощеть зла въ чловѣцѣхъ, но блага; а днаволъ радүется зломү үбинствү, кровопролитю, въздвизая свары, зависти, братоненавидѣння, клеветы. Земли согрѣшивши коен люво,	Наводитъ Богъ, по гнѣвү своему, иноплемьники на землю, и тако скрүшеномъ имъ въспомянутся къ Богү. Усобная же рать вываецъ от сважения дьяволя: Богъ бо не хощеть зла въ чловѣцѣхъ, но блага; а дьяволъ радүется зломү үбинствү и кровопроитию. Земли же сгрѣшивши

⁴² Там же. С. 72.

⁴³ Там же. С. 85.

⁴⁴ Там же. С. 81. Так же и в Н4Л. В С1: «...своимъ полкомъ үдарити на сю сторону» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1.

<p>Богъ смертью, или гладомъ, или наведеннѣмъ поганыхъ, или ведромъ, или гусиницею, или инѣми казньми. Аще ли покаявшеся бѹдѣмъ, в нем же ны Богъ велитъ жити, глаголетъ бо намъ пророкомъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и молитвою и плачемъ, да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени бѹдемъ. Нѣ мы на злое возвращаемся, акы свинья в калѣ</p>	<p>или гладомъ или наведеннѣмъ поганыхъ или ведромъ или дѣждемъ силнымъ или казньми инѣми, аще ли покаемся и в нем же ны Богъ велитъ жити, глаголетъ бо намъ пророкомъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ, да еще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени бѹдемъ. Но мы на злая вѣзвращаемся, акы свинья валяющеса в калѣ грѣховнѣмъ присно и тако</p>
--	--

Присутствие личного мнения различимо в рассказах о многочисленных внутриновгородских распрях. Очевидно, что пономарь Тимофей занимает ту или иную позицию. Таков, например, рассказ под 1255 г. Сначала автор говорит о каждой из сторон: «менший» и «вѣтший», а затем в какой-то момент проговаривается: **«И побѣжа Михалко из города къ святому Георгию, како было емѹ своимъ полкомъ ѹразити нашу сторону и измясти люди»**⁴⁴.

Наряду с непосредственными эмоциональными высказываниями «от себя», Тимофей щедр на всевозможные рассуждения в духе христианского провиденциализма. Особенно часто, даже чрезмерно настойчиво звучат у Тимофея извлечения и парафразы «Слова о казнях Божиих». Точное воспроизведение фрагментов этого «Слова» читается в уже упоминавшемся рассказе о татарском нашествии под 1238 г.:

Как можно видеть, Тимофей сделал лишь непринципиальные поправки: сократил перечисления злых дел дьявола, а среди видов казней вместо «гусеницы» вписал «дождь», который даже более логично следует за противоположным ему «ведром». Далее, пропустив в «Слове о казнях» большой фрагмент пророческих текстов, Тимофей, как и ранее, практически дословно цитирует заключительные строки «Слова»: **«Да сего ради казни приемлемъ всякыя от Бога, и нахождение ратныхъ; по Божию повелѣнню, грѣхъ ради нашихъ казнь приемлемъ»**⁴⁷. Мысль о том, что дьявол «радуется бо ся оканьнии о крѣвопролитии братии»⁴⁸, звучит в повествовании о внутригородских распрях под 1228 г. Затем то же: дьявол радуется **«кровопролитию крестьянскѹ»**⁴⁹, — в рассказе о галицко-черниговских событиях 1235 г. Столь же часто встречаются перепевы других фрагментов «Слова».

В каких же случаях рассуждения летописца и его высказывания «от себя» имеют более самостоятельный характер? В первую очередь, нужно рассмотреть тексты, сопровождающие рассказы о знаменьях, которые, как правило, вызывают у летописцев желание увидеть символическую связь предзнаменований с последующими событиями. Таков текст под 1230 г. Вначале летописец сообща-

⁴⁵ Там же. С. 186—187. На эту связь двух текстов НПЛ указывал А. А. Гиппиус (Гиппиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIII вв. С. 347).

⁴⁶ Там же. С. 76.

⁴⁷ Там же. С. 77.

⁴⁸ Там же. С. 67. Так же в Н4Л.

⁴⁹ Там же. С. 73.

⁵⁰ Ср. рассуждения об этом же землетресении в «Слове» Серапиона Владимирского (см.: ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 440—442).

ет о землетрясении, которое, видимо, не принесло значительного вреда, ибо сказано только, что земля тряслась **«въ обѣдѣ, а инни уже вяху отобѣдали»**. В таком случае землетрясение воспринимается Тимофеем скорее как знамение, а не бедствие, и понуждает на соответствующие рассуждения: **«То же, братье, не на добро, на зло; грѣхъ для нашихъ Богъ знаменія кажетъ, да выхомъ ся покаяли от грѣхъ нашихъ»**⁵⁰. Однако люди не вняли Божественному указанию: **«Коликѹ Богъ наведе на ны смерть тон весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своея погыбели, но скорѣиши выхомъ на зло»**. Дается еще одно знамение: **«солнце помърце»**. Далее же рассказывается о выступлении против посадника: вече, поджог, разграбление, убийство. За это Бог посылает «мразъ» и как следствие — голод. Эти преступления против крестоцелования, на которые указывает автор, вызывают у него целый каскад эмоциональных обличительных восклицаний. Особенно ярок образ ангелов, которые **«не могутъ зрѣти и многоочити, крылы закрываются»**. Тимофей упоминает, конечно, традиционную «казнь Божию» — нашествие поганых, но, по-видимому, понимая, что она не очень подходит к событиям, в которых обе стороны представлены новгородцами, добавляет: **«а иное сами не блюдѹче, без милости истеряхомъ свою власть, и тако высть пуста: и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ»**⁵¹.

Однако не все знаменія влетаютъ так последовательно в концептуальную ткань летописи. Так, солнечное затмение, описываемое под 1234 г., предшествует рассказу об участии псковичей в неудачном походе, но указующего перста, утверждающего связь этих событий, нет. То же — с лунным знаменіем **«яко ни знаменія не высть»**⁵². А солнечное затмение под 1271 г. дается вообще без каких-либо значимых последствий — только радость, что солнце вновь **«наполнися»**.

Встречаются комментарии, еще более субъективные и «необязательные» с точки зрения провиденциализма исторического мышления. После рассказа об убийстве и разграблении владений целого ряда богатых горожан летописец суммирует: **«Они трудншася, събирающе, а си въ трудѣ ихъ вънидоша»** и цитирует Писание: **«о таковыхъ во рече Дѹхъ Святый: събираетъ, а нѣ вѣсть, комуъ свираетъ»**⁵³. Сентенцию из «Пчелы» использует Тимофей в связи со смертью посадника Онаньи и гибели посадника Михалки: **«Аще бы кто добро другѹ чинилъ, то добро было; а копая подъ другомъ ямѹ, самъ ся в ню въвалитъ»**. И затем, оправдывая, видимо, жестокость расправы Александра Невского над дружиной воеводы Александра, подбившего Василия на «зло»: **«всякъ бо злыи злѣ да погыбнетъ»**⁵⁴.

Более проблематично вычленение «руки» определенного летописца в других дошедших до нас летописях. В 40—60-х годы XII века в составе Ипатьевской летописи представлена черниговская летописная традиция⁵⁵, которую Б. А. Рыбаков связал с именем Поликарпа (с 1164 года — игумена Киево-Печерского монастыря)⁵⁶. Исследователь назвал его «примитивным хронистом», отметив как характерные особенности его летописания интерес к хозяйственным подробностям, точное приведение дат по церковному календарю, северные диалектные черты. Соответственно, и с точки зрения

⁵¹ Там же. С. 69. В С1Л и Летописи Авраамки эти события упоминаются кратко и без эмоциональных отступлений. В Н4Л — полностью читается только вторая половина статьи — о смуте и ее последствиях.

⁵² Там же. С. 82.

⁵³ Там же. С. 70.

⁵⁴ Там же. С. 82. В С1: **«всяко бо зло злѣ погыбаетъ»** (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 334).

⁵⁵ См.: Шахматов А. А. Обзорение общерусских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 69—102; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 222—226.

⁵⁶ См.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 36—59.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Спб., 1908. Стб. 339.

⁵⁸ Там же. Стб. 519.

проявления авторского самосознания летопись Ольговичей не является кладезем материала для анализа. Летописец крайне скуп на авторские высказывания, рассуждения и прямые оценки.

Так, скорее исключением является его «самоотсылка»: **«Святославъ ѡтпусти воѣ своѣ в Половцѣ, давъ имъ дары многы, ихъже мы преди написахомъ»**⁵⁷.

Один раз он подчеркивает, что пользуется слухами, в истинности которых не уверен: **«Том же лѣт(е) преставися кн(а)зь Иванъ Ростиславичъ, рекомыи Берладникъ, в Белуни, и ини тако молвахутъ, ꙗко съ ѡтравы бѣ ему см(е)рть»**⁵⁸.

Более или менее определенные оценки встречаются всего несколько раз: «многоглаголевым» назван Володарь под 1144 г., убийцы Игоря Ольговича устремляются на него **«ꙗко звѣрь»**⁵⁹, Изяслав отвечает Святославу **«съ ꙗростью»**⁶⁰, упоминается дьявольское научение в плохо сохранившемся рассказе о разграблении Игорева села.

Прямая характеристика дана, как это часто бывает в летописных текстах, в некрологе Игорю. Летописец говорит, что тот был **«добрыи» «побѣрникъ ѡ(т)чѣства своего»**⁶¹. Собственно весь рассказ, который выделяется Д. С. Лихачевым как черниговская повесть об убиении Игоря, выдержан в агиографическом стиле, соответствующем задачам представить Игоря мучеником, а его убийц — злодеями.

Оценкой в неявной форме можно считать описания деяний князей, если они при этом полагаются на Бога или предприятия им удаются благодаря Божественному произволению: Так, Святослав принял решение идти на столкновение с **«врагами сгадавъ с братею и с Половци, с мужи своими, възрѣ на Б(ог)а, на святою Б(огороди)цю»**⁶².

Иногда летописец дает оценку не поступкам, а ситуации, свое видение таковой. Например, после рассказа о том, как Олегу Святославичу стал известен замысел Ростислава Мстиславича и тот, сославшись на болезнь матери, просит Ростислава его отпустить, Поликарп пишет: **«Ростиславъ же не хоташе пустити его ѡт себе любовью, занеже не имѣше лиха въ с(е)рдци, но зли ч(е)л(о)вѣци, не хоташе добра межи братею видити, тако створиша»**. Таким образом, автор повествования явно стремится снять с Ростислава вину за попытку взять в заложники сына Святослава, возведя ее на неких злых людей. Далее летописец продолжает повествовать не только о поступках, но и о мыслях и чувствах своих героев: Олег **«погнѣвася на ѡтца втаниѣ»** и вступил в союз с Изяславом **«безъ ѡтнѣ свѣта»**. Святослав же **«не вѣдающу всего того»**, а когда узнал, **«велии быс(т)ь печаленъ ѡ томъ»**⁶³. И только после решительного разговора с «мужи», которые разъясняют ему весь расклад сил, **«нужею поведеса С(вя)тославъ ѡт Ростиславли любви къ Изяславу»**⁶⁴.

К такого же рода авторским трактовкам и интерпретациям событий можно отнести рассказ о Нифонте — его сне и преставлении. В некрологе Нифонту употреблено то же выражение, что и в некрологе Игорю Ольговичу: «поборник». Однако если Игорь был «добрым поборником отечества своего», то Нифонт — поборник «всеи Руской земли»⁶⁵. Объяснение такой формуле (Нифонт был не митрополитом, а новгородским архиепископом) дается в изложении его заслуг как ревнителя установленного порядка — главенства и прерогатив константинопольского патриарха, в чем он был оппонентом митрополита Климента.

⁵⁹ Там же. Стб. 351. Правда, всего этого украшенного эмоционального рассказа, включающего пространный монолог самого Игоря, нет в Московском летописном своде конца XV века, сохранившего, в основном, повествование об убиении Игоря.

⁶⁰ Там же. Стб. 499.

⁶¹ Там же. Стб. 353.

⁶² Там же. Стб. 335.

⁶³ Там же. Стб. 513.

⁶⁴ Там же. Стб. 514.

⁶⁵ Там же. Стб. 484.

⁶⁶ Там же. Стб. 515.

Что же касается эмоциональных откликов на события самого автора, то на них он крайне скуп. В качестве наиболее яркого проявления таковых можно привести выпадающее из воинской топики сравнение при описании битвы Ростислава с Изяславом Давыдовичем под 1161 г.: «и тако страшно вѣ зрѣти, ꙗко второму пришествию быти»⁶⁶. По-видимому, летописец сопровождал Олега как союзника Изяслава в этом походе, и его эмоции были искренними впечатлениями очевидца. Об этом говорит детальная подробность в описании похода: Поликарп указывает, кто где стоял и сколько дней, когда уряжались полки и т. д.

Косвенное подтверждение личного присутствия можно различить, как отмечалось Б. А. Рыбаковым⁶⁷, и в тексте под 1159 годом, где подробно описывается вокняжение Ростислава. Два дня празднуют князья, и о втором дне летописец говорит: «и тако бысть весела, пач(е) вчерашнего дни»⁶⁸. Это свидетельство интересно тем, что дает возможность пролить свет на механизм летописания. То, что летописцы писали по памяти или используя краткие заметки о событиях за какой-то отрезок времени, очевидно. Такие же подробные рассказы, как упомянутый выше, да еще употребление летописцем слова «вчерашний» (что едва ли уместно, если пишешь через год), говорят о том, что практиковались записи и по горячим следам — по принципу дневника. Надо заметить, что чуть выше, но в этом же комплексе текстов летописец дает свое оценочное резюме: «И выс(ть) людемъ двоѣа радость: и въскре(с)енне Г(оспод)не, и кн(а)же сѣдение»⁶⁹.

Основная же масса оценок и трактовок ситуации перенесена автором в прямую речь героев, доля которой в текстах черниговского источника огромна. В речах послов и своих собственных князья оправдываются и обвиняют, сомневаются и разъясняют свою позицию. Например, Святослав Ольгович говорит такие речи: «Г(оспод)и, вижь мое смирение, колико на са поступахъ, не хота крови пролити хр(е)стьѣаньски и штчины своѣа погубити... да Б(ог)ъ вѣди за всимъ и хр(е)сть ч(е)стьныи, егоже състѹпаеши ко мнѣ, а ꙗа, брате, не лиха хота тобѣ бороню не ходити, но хота ти добра и тишины земли Рѹсыкѣ»⁷⁰. Послы союзников держат речь к Изяславу Мстиславичу: «То есть было преже дѣдъ наших и при штцихъ наших: миръ стоитъ до рати, а рать до мира... а мы доколѣ хочемъ Рѹскою землю погубити?»⁷¹. Как можно видеть, речи пространны, идеологичны и полны патристической риторики, что едва ли подтверждает слова Б. А. Рыбакова о «примитивности» черниговской летописи. Вся тенденциозность текста «спрятана» автором в эти речи, которые, как было показано И. П. Ереминым, могли быть в одних случаях почти протокольно точными, в других — сочиненными⁷².

В XIV веке оценки летописцев выражаются, в основном, посредством использования эпитетов — весьма выразительных и однозначных. По отношению к врагам (татарам, Литве, противопоставленным Руси еще и конфессионально) употребляются эпитеты «зловерный», «безбожный», «беззаконный», «льстивый» и т. д.⁷³

В качестве примера можно обратиться к тверскому летописанию. Не рассматривая пространные повести, которые всегда более литературны и эмоциональны, приведу небольшой текст Софийской первой летописи под 6847 г. об убийстве в Орде Александра Михайловича Тверского. В отличие от Рогожского летописца и Тверского сборника, здесь о случившемся лишь сообщается. Но на

⁶⁷ См.: Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 49—50.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 504.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Стб. 500.

⁷¹ Там же. Стб. 364.

⁷² Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 98—131.

⁷³ См. подробнее: Конявская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси. Источниковедение. Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 14—25; она же. Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV века) // Древняя Русь и Запад. М., 1996. С. 92—95.

оценки — как положительные, так и отрицательные — летописец не скупится: «...убиша в Ордѣ окаянии татаровѣ великаго кн(я)зя Александра Михайлович(а) Твѣрьскаго...повелѣниемъ безбожнаго ц(а)ря Озбяка. Призвалъ во его вѣше с лестию... Оному же послушавше поганаго льстивыхъ словесъ и пришедша, убиена выста, приемше горкую и нужную см(е)рть за кр(е)стьянскую вѣру»⁷⁴.

Столь же активно, как и в предшествующие века, используется в качестве положительной оценки и обоснования праведности деяний опора на Божественную помощь. Так, о том же Александре Михайловиче в его столкновении с Чол-ханом говорится: «Билою великаго И(сү)са Х(рист)а и м(о)л(и)твою пр(е)ч(и)стыя его м(а)т(е)ри вл(а)д(ы)ч(и)ца нашея в(горо)дица и ч(е)стнаго ея Успенья, и м(о)л(и)твою новоявленою м(ү)ч(е)н(и)къ с(вя)тыхъ ц(а)рен рүскихъ Бориса и Глѣва, созва кн(я)зь тфѣричи и поиде на Щолкана...»⁷⁵. То же — с дьявольским наущением: о Шевкале в Тверском сборнике и Рогожском летописце говорится, что он «Діаволомъ үчимъ», а татарам за грехи русских Бог попустил «Діаволу възложити злаа въ сердце»⁷⁶.

В работе летописца современными исследователями акцентируется проявление «христианского символизма»: «Летописца интересуют не сами по себе события, а «божественная логика», которая управляет всем ходом человеческой истории. За кажущейся пестротой приводимых фактов стоит главное, с точки зрения летописца, событие — Боговоплощение...»⁷⁷. Тем не менее, летопись — это вовсе не теософский трактат, а, в первую очередь, даты и факты. Менталитет летописца во многом близок к менталитету историка Нового времени. По крайней мере, близки их субъективные установки. И тот, и другой стремятся выстроить известные им факты в единую ось истории, быть в этом максимально точным и объективным. Но вместе с тем, ими владеет стремление истолковать исторические события, интерпретировать известное, додумать неизвестное, установить закономерности исторического поступательного движения.

Очевидно, что проанализированные феномены авторского комплекса летописцев нельзя целиком отнести к авторскому самосознанию. Ибо сознание — оно потому и сознание, что предполагает рефлекссию (в данном случае по поводу своего писательского труда). Летописец может говорить «от себя», но не об источниках, задачах, традициях, а только по поводу событий и героев повествования. Мы видим личность автора, но не видим его самооценки.

Впрочем, и летопись как таковая может рассматриваться в ряду памятников литературы, а не письменности лишь весьма относительно. То, что делает ее замечательным художественным произведением для нашего времени, когда живость языка, динамизм переходов от предмета и предмету, непосредственность и органичность интонации воспринимаются как безусловные художественные достоинства текста, для эстетического сознания рассматриваемой эпохи не могло быть критерием «литературности». В этом смысле высказывался Д. С. Лихачев, отмечая, что летопись как феномен «формировалась под влиянием разнородных факторов, но все эти факторы крылись в реальной действительности...»⁷⁸ — и далее: «Воздействие чисто литературное было второстепенным...»⁷⁹. Сам же летописец едва ли преследовал эстетические цели, и требования художественности, скорее всего, вообще не предъявлялись к летописи. Образно говоря, если авторы произведений других древнерусских жанров — первые русские писатели, то летописцев можно назвать первыми русскими историками, под пером которых, однако, зачастую рождались тексты, представляющие несомненную эстетическую ценность.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 411.

⁷⁵ Там же. Стб. 400—401.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. XV. Спб., 1863. Стб. 415.

⁷⁷ Бахтина О. Н. Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск, 1999. С. 59.

⁷⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 143.

⁷⁹ Там же. С. 144.

